

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes. 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД
ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

Lennerstrand M., Oja L. Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006.

Что с ней произошло в дальнейшем, мы не можем сказать. Нам известно только одно: она не была повешена.

Капитан Чарльз Джонсон

К настоящему времени усилиями множества исследователей – особенно в последние несколько десятилетий – составлена относительно полная общая картина “охоты на ведьм” в Европе раннего Нового времени, а отдельные процессы изучены в деталях (насколько широко результаты этих исследований известны за пределами круга специалистов, в том числе среди коллег по цеху, – другой вопрос). С основными итогами многолетних изысканий можно ознакомиться, к примеру, в обзорном шеститомном труде “Колдовство и магия в Европе”, одним из редакторов которого является профессор Лундского университета и крупнейший специалист по истории “охоты на ведьм” в Швеции Бенгт Анкарлоо¹. Сам факт его руководства этим изданием можно рассматривать как свидетельство того, что Швеция – отнюдь не белое пятно на европейской карте истории ведовства².

Между тем некоторые аспекты преследования “ведьм” и “колдунов” – как в Швеции, так и за ее пределами – изучены очень слабо. В частности, почти ничего не известно о том, что происходило *после* окончания процессов. Как складывалась жизнь тех из обвиняемых, которые не погибли в заключении и сумели избежать смертной казни? А жизнь родных и близких казненных? Влияло ли участие в процессах на дальнейшую судьбу обвинителей? Менялось ли что-нибудь в отношениях между населением и представителями власти на местах? Как долго в народе сохранялась память о случившемся? Ответы на подобного рода вопросы могли бы значительно углубить наши представления об “охоте на ведьм” как социальном феномене. Однако историки очень редко задумывались над ними, а если и задумывались, то недостаточно основательно, ограничиваясь, как правило, умозрительными рассуждениями или, в лучшем случае, разрозненными наблюдениями и констатацией фактов.

Книга Мари Леннерсанд и Линды Оя “Жизнь продолжается” – фактически *первая в историографии попытка детального систе-*

матического исследования долговременных социальных последствий кризиса, спровоцированного массовыми обвинениями в колдовстве³. Эта работа – часть большого коллективного проекта “Найти силы жить дальше. Процессы социальной реабилитации в локальной перспективе, ок. 1670–1870 гг.” М. Леннерсанд и Л. Оя известны как специалисты, соответственно, по истории местного управления в Швеции в конце XVII – начале XVIII в., когда государство прилагало активные усилия по установлению жесткого контроля над нижними “ступенями” административной “лестницы”, и по истории шведских “народных” представлений о магии (и борьбы властей с ними), также в XVII–XVIII столетиях⁴. В качестве “полигона” для своего нового, совместного исследования они выбрали два сельских прихода в области Даларна в Средней Швеции – Эльвдален и Ретвик.

Именно в Даларне в 1668 г. началась крупнейшая в истории страны волна ведовских процессов, продолжавшаяся восемь лет и захлестнувшая в конце концов и столицу – Стокгольм. Стандартные обвинения включали в себя посещение шабаша⁵ и похищение детей, которых на шабаше якобы заставляли участвовать в оргиях и поклонении дьяволу. Показаниям детей, утверждавших, что они против своей воли регулярно бывали на этих празднествах Сатаны, придавалось исключительно важное значение. Только в самой Даларне в 1668–1671 гг. по такого рода обвинениям были казнены около 45 человек – в основном женщины⁶.

После нескольких лет насилия и всеобщего страха “великий гром” – так эти события окрестили современники – все же прекратился. Хотя оставались еще подозреваемые, которые не успели предстать перед судом, власти предпочли прекратить дальнейшее разбирательство, убедившись, что это лишь ухудшает ситуацию и провоцирует новые обвинения. Да и местное население начало подавать петиции с просьбами остановить расследование. Правда, в других областях Швеции – на севере, а также в Упланде и, как уже отмечалось, в Стокгольме – процессы продолжались и после окончания их в Даларне. Но и там в конце концов все успокоилось. Особенно когда в ходе стокгольмского расследования в 1676 г. стало абсолютно очевидно, что подавляющее большинство детей, заявлявших, что ведьмы забирали их по ночам на шабаш, откровенно лгали.

М. Леннерсанд и Л. Оя задались целью проследить последствия этой волны ведовских процессов на примере двух небольших, расположенных по соседству друг от друга сельских мирков (в 1699 г. в Эльвдалене было примерно 1200 жителей, в Ретвике чуть меньше 2800 – с. 110). Хронологически исследование охватывает сорокалетний период (1660–1700) – десять лет до начала процессов, что необходимо, чтобы составить представление о “нормальной” жизни приходов, и тридцать лет после прекращения “ведовской истерии”.

Впрочем, М. Леннерсанд и Л. Оя отказываются от использования слова “истерия”, поскольку оно ассоциируется с иррациональным и даже примитивным поведением, что, конечно же, слишком упрощает картину. Вместо этого они предпочитают говорить о кризисе, порожденном обвинениями в колдовстве (*trolldomskris*) (с. 30–31).

К решению поставленных ими задач исследовательницы подошли с позиций современной социальной конфликтологии. В центре их внимания находятся в первую очередь механизмы реинтеграции либо, наоборот, маргинализации индивидов и групп, а также проблемы, связанные с защитой, утратой или восстановлением чести (с. 31–64).

Вполне естественно, что М. Леннерсанд и Л. Оя отмечают близость избранного ими подхода к такому направлению, как микроистория (упомянутая попутно, что со второй половины 1990-х годов свою приверженность микроистории декларируют все больше шведских историков) (с. 68–69). Однако в то же самое время для них важна и “глобальная” социологическая перспектива, поэтому они рассматривают свой труд еще и как *case study*: “Положение дел в Эльвдалене и Ретвике после кризиса, спровоцированного обвинениями в колдовстве, интересно нам само по себе, как уникальная историческая ситуация, но *также* и как пример преодоления последствий кризисов” (с. 71). Авторы изначально поставили своей целью всесторонне изучить факторы, которые в этом конкретном случае влияли на ситуацию, и постараться на основе собранных данных скорректировать и развить теории, созданные для объяснения кризисного и посткризисного поведения вообще (с. 71–72).

Стремление не упускать из виду общее, занимаясь уникальным, проявляется также и в том, что М. Леннерсанд и Л. Оя решили не ограничиваться рассмотрением какого-нибудь одного прихода, но систематически сравнить положение в Эльвдалене и Ретвике, которые, по их словам, представляют собой два различных типа реакции на кризис в Даларне. В Эльвдалене, с которого, собственно, начался “великий гром”, власти действовали жестко: применялись пытки, между 1669 и 1671 гг. состоялось не менее четырнадцати казней. В результате давления большее число представших перед судом созналось в преступлениях. Кроме того, среди обвиняемых здесь оказалось больше мужчин и детей (среди последних было много активных обвинителей, привлеченных к суду за участие в шабаше). До Ретвика же волна процессов докатилась позднее. К тому времени власти уже избрали более мягкую и осторожную стратегию. Пытки не использовались, смертных приговоров не выносилось. В итоге обвиняемыми не было сделано ни одного достаточно определенного признания. Судьи строго различали обвинителей и обвиняемых, поэтому в Ретвике среди приговоренных почти не было детей. Практи-

чески все ретвикские “ведьмы” – это женщины, как правило, немолодые (с. 64–65). В то же время между обоими приходами было очень много общего, кризис, несмотря на указанные различия, развивался похожим образом, да и его урегулированием пришлось заниматься, по большому счету, одним и тем же инстанциям. Поэтому так интересно сравнить последствия кризиса в Эльвдалене и Ретвике.

В поисках ответов на поставленные вопросы М. Леннерсанд и Л. Оя обработали огромное количество весьма разнообразных источников – судебных протоколов, протоколов заседаний соборного капитула (оба прихода относились к Вестеросской епархии), материалов переписки представителей власти на местах с вышестоящими инстанциями, земельных реестров, налоговых списков, солдатских списков, церковных книг и т.д., – разбросанных по центральному и региональным архивам. Изучение такого объема документов (многие из которых, как часто оказывалось после знакомства с ними, не содержали нужных сведений) потребовало больших усилий. Сами исследовательницы пишут о применении “метода пылесоса”, благодаря которому им часто удавалось найти ценную информацию в неожиданных местах (с. 67–68). Подробную характеристику источников и описание некоторых приемов, использованных ими при работе со столь обширным и разнородным материалом, М. Леннерсанд и Л. Оя вынесли в приложение (прил. 3 – с. 717–738).

Всего в книге шесть глав. Только первая, вводная, глава и короткий эпилог написаны исследовательницами совместно. В остальном они разделили свои обязанности. Автором второй главы, посвященной условиям, в которых во второй половине XVII в. жило население Восточной Даларны (прежде всего, конечно, Эльвдалена и Ретвика), является Л. Оя. Она рассказывает об особенностях административного подчинения обоих приходов и развитии структуры местного управления; об основных видах хозяйственной деятельности; об экономической и демографической ситуации; о структуре землевладения, особенностях права наследования и брачных отношений; о функционировании военно-поселенной системы и жизни солдат; о социальных механизмах взаимопомощи и культуре конфликтного поведения; наконец, об отношении местного населения к представителям государственной власти (с. 87–139). Этот полезный и информативный раздел позволяет читателю познакомиться с политическим, экономическим и социальным “ландшафтом” Восточной Даларны.

В третьей главе, написанной также Л. Оя, подробно анализируется ситуация в Эльвдалене. Вначале исследовательница рассматривает предысторию и активную фазу кризиса. Она обращает внимание на то, что прежде всего обвинения в колдовстве выдвигались, во-первых, против представителей нескольких зажиточных и влиятельных семей, члены которых регулярно занимали те или иные администра-

тивны́е посты и незадолго до начала волны процессов сумели расширить свои земельные владения. Из-за несоответствия между фактическим размером владений и суммой причитавшихся с них налогов такое богатство воспринималось менее удачливыми соседями как нажитое несправедливо. Правда, перед судом представляли женщины и дети, а не взрослые мужчины – наиболее заметные и могущественные члены этих семей. Но это может объясняться как раз их влиянием и могуществом – таких людей труднее было привлечь к суду. Кроме того, похоже, колдовство считалось все-таки в первую очередь “женским” преступлением (с. 149–161). Во-вторых, число обвиненных в колдовстве было непропорционально большим в наиболее бедных семьях, члены которых раньше уже представляли перед судом (преимущественно по делам о преступлениях сексуального характера – адюльтер, изнасилование и т.п.) (с. 161–167). Л. Оя также установила, что в марте 1667 г. в Эльвдалене произошло столкновение местных жителей с мелким чиновником-контролером, присланным в приход с инспекционными целями. Неприятный инцидент удалось замять, но не без труда. Поэтому когда вдруг в Эльвдалене обнаружили “ведьмы”, местные власти начали бороться с этим злом как можно более решительно, чтобы их нельзя было обвинить в бездействии, – что только подлило масла в огонь (с. 167–178).

Далее Л. Оя приступает, наконец, к анализу последствий кризиса в Эльвдалене. Сначала – на уровне прихода в целом. Кризис стал затухать уже в августе 1669 г., когда резко уменьшилось число обвинений. Последние казни состоялись в январе 1671 г. А затем из источников практически исчезли упоминания о “великом громе”, и до 1710-х годов судам вообще не приходилось рассматривать дела о колдовстве. Наступил период долгого молчания, когда о случившемся предпочитали не говорить – по крайней мере, публично. Причем бурные события рубежа 1660–1670-х годов явно не были забыты – в ходе одного судебного разбирательства 1734 г. выяснилось, что жителям Эльвдалена известны детали процессов шестидесятилетней давности (с. 186–187). По мнению Л. Оя, молчание в значительной степени было результатом сознательной стратегии, избранной локальной элитой, прежде всего – новыми капелланом и пастором, которые были назначены в 1671–1672 гг. Впрочем, кажется, их паства и сама не была склонна выдвигать новые обвинения в колдовстве (с. 179–192).

Вообще, за кризисом в Эльвдалене последовали очень спокойные несколько десятилетий. Конфликтов было мало, уровень насилия не вырос⁷. При этом не наблюдалось и заметного увеличения контроля над населением со стороны властей. Правда, епископ стал более регулярно совершать инспекционные поездки (визитации) в Эльвдален, да и пробст стал бывать с проверками гораздо чаще. Так что знакомство местных жителей с основами лютеранского вероуче-

ния серьезно улучшилось. Но в целом нельзя сказать, что власти значительно усилили свою “хватку” и привели население прихода к большей покорности (с. 193–273).

Любопытно, что если исходить из известной теории аккультурации, согласно которой “охота на ведьм” в раннее Новое время была инструментом подавления народной культуры и установления абсолютной монополии государства и церкви в идеологической и правовой сферах на всех “этажах” общества вплоть до самого нижнего, то следовало ожидать, скорее, противоположного результата. А то, что в данном случае власти – по крайней мере, светские – не воспользовались возможностью для “закручивания гаек”, можно рассматривать как очередной довод против умозрительной теории, число сторонников которой, впрочем, в настоящее время и так невелико⁸.

Во второй части третьей главы Л. Оя переходит к анализу отдельных судеб. В ее списке в общей сложности 121 человек: 102 родных и близких 28 непосредственных участников процесса⁹ плюс 19 выживших из этих же 28. Выясняется, что эти люди не спешили покинуть Эльвдален и в основном оставались жить на прежнем месте (с. 289–295). Нельзя сказать, чтобы они чаще заболели и раньше умирали (хотя в нескольких случаях, возможно – а в одном наверняка, – обвинения в адрес их родных и близких негативным образом сказывались на их здоровье) (с. 295–302). Они не лишились возможности вступать в брак, и есть даже примеры браков между представителями семей, находившихся по разные стороны в активной фазе кризиса (с. 302–317). Они так же, как и все остальные, могли рассчитывать на получение наследства и на поддержку в старости (с. 317–322). Кризис, судя по всему, не повлиял на их отношения с ближайшими родственниками (с. 322–326). Не стал он и причиной радикального ухудшения их экономического положения (правда, в ряде случаев нельзя исключать связи между участием в процессах и последующими экономическими трудностями) (с. 326–336).

Из обвиняемых и свидетелей никто впоследствии не избирался в органы местного самоуправления и не представлял ничьих интересов в суде (для этого человек должен был иметь незапятнанную репутацию). Однако в этой роли выступали некоторые их родные и близкие. Кроме того, сам по себе факт неучастия в отправлении правосудия не означает автоматически, что это было вообще невозможно (с. 336–348). Вероятнее всего (источники в этом отношении недостаточно полны), никому из обвиняемых и свидетелей не было отказано в праве быть похороненным в освященной земле на церковном кладбище (с. 348–352). Окружающие доверяли им быть крестными отцами и матерями своих детей, и наоборот, они сами относительно легко находили крестных для собственных чад. Причем приглашение стать крестным нередко было знаком примирения между семья-

ми, которые во время кризиса представляли противоборствующие стороны (с. 364–369).

Таким образом, и обвиняемые, и свидетели, и их родные и близкие после окончания кризиса не превратились в изгоев и в целом остались полноправными членами общества. Они не были исключены из системы социальных связей. Их честь, судя по всему, не пострадала либо была восстановлена. По большому счету, практически для всех жителей Эльвдалена жизнь после кризиса продолжалась, как обычно.

В Ретвике картина была похожей, но несколько сложнее. Она рассматривается в четвертой главе, которая написана М. Леннерсанд. Эта глава так же, как и предыдущая, открывается разделом, посвященным предыстории и активной фазе кризиса (с. 376–400). Как уже упоминалось, в Ретвике кризис начался позже, чем в Эльвдалене, и поведение местных властей было здесь более осторожным (кстати, вышестоящие инстанции вообще заняли в отношении Ретвика более отстраненную позицию, и местной администрации пришлось здесь в большей мере полагаться на собственные силы – с. 417–418). Никого не казнили, однако трем женщинам¹⁰ был вынесен так называемый условный смертный приговор, т.е. их должны были обезглавить только в том случае, если бы они сознались в преступлении, стоя на эшафоте. При этом сами они должны были пребывать в полной уверенности, что помилования не будет. Но женщины отказались признаваться (возможно, они знали, что такое “условный смертный приговор, поскольку эта практика применялась и раньше – например, в Эльвдалене – и сведения о ней успели распространиться по округе). В итоге казнь не состоялась (собственно, даже вывести обвиняемых на эшафот не удалось). Одна из женщин умерла позднее в тюрьме. Окончательного приговора в отношении них так и не последовало, и их статус остался неопределенным.

Активная фаза кризиса прилась в Ретвике на январь 1670 – январь 1671 г. Потом еще в течение года продолжали выдвигаться обвинения в колдовстве, но уже в гораздо меньших масштабах. Одновременно власти активно проводили политику “умиротворения”. Почти все бывшие обвиняемые были оправданы, их снова начали допускать к причастию. Правда, две условно приговоренные к смерти “ведьмы” – сестры Карин и Ингель Холь – так и не смогли восстановить прежнее положение в обществе. Они уехали из Ретвика и обе умерли через несколько лет. Хотя, с другой стороны, и полными изгоями они, кажется, не стали, потому что находились люди, готовые свидетельствовать в их пользу, а Ингель смогла вернуться в Ретвик. И все же участие в процессе явно негативно отразилось на их жизни (с. 400–412).

С начала 1672 г. из документов почти исчезли упоминания о кризисе – как и в Эльвдалене, наступил период долгого молчания. И в остальном ситуация была похожей: уровень конфликтов не изменился, прежними остались взаимоотношения с представителями власти. Духовенство Ретвика также усиленно занялось после кризиса духовным воспитанием паствы. И так же, как и в Эльвдалене, население, кажется, поддерживало стратегию властей, направленную на прекращение даже разговоров о колдовстве (с. 412–458).

Прослеживая судьбы отдельных участников ретвикских процессов после окончания кризиса, М. Леннерсанд, конечно, рассматривает те же аспекты, что и Л. Оя в предыдущей главе. Однако структура изложения у нее немного иная (что, между прочим, создает определенные трудности при прямом сопоставлении результатов обеих частей исследования). В частности, М. Леннерсанд порознь анализирует обвиняемых и обвинителей (как упоминалось выше, в Ретвике судьи строго различали эти две категории). В первом списке у нее 60 человек, во втором – 20, но всего в базе данных (см. приложение 2, с. 691–716) 98 имен – очевидно, потому, что в ходе работы часто “всплывали” и некоторые другие персонажи, жизненный путь которых не всегда можно было проследить из-за лакун в источниках (впрочем, четкого объяснения такого расхождения в цифрах мне обнаружить в тексте не удалось).

В принципе, и в Ретвике кризис не стал причиной радикальных перемен в жизни большинства участников процессов. Они в основном остались в Ретвике; не лишились поддержки окружающих; не страдали от экономических неурядиц и болезней больше, чем прочие жители прихода; относительно легко сумели найти себе супруга или супругу¹¹; их вовлеченность в локальные конфликты осталась на обычном уровне. Правда, из числа обвинителей несколько человек все же покинули Ретвик (в частности, став солдатами). И продолжительность жизни обвинителей оказалась в целом несколько меньшей, чем у обвиняемых (хотя здесь данные источников недостаточно полны). Однако, возможно, дело в том, что первые являлись, как правило, выходцами из более бедных слоев, и в тяжелые для Ретвика 1670-е годы им пришлось труднее. (Кстати, любопытно, что некоторые молодые люди из числа обвинителей имели репутацию “трудных”, что, вероятно, повлияло на их решение уехать из Ретвика.) (с. 458–596.)

В то же время имеются и некоторые интересные отличия от ситуации в Эльвдалене. Во-первых, в Ретвике бывшие обвиняемые становились крестными лишь в очень редких случаях (притом что для их родных и близких вероятность выступить в роли крестного отца или крестной матери была такой же, как и для всех прочих). Похоже, что к “ведьмам” – пусть и оправданным – люди продолжали от-

носиться с некоторым подозрением и предпочитали не рисковать в таком важном деле, как спасение души своего ребенка (с. 514–519, 566–567). Во-вторых, как уже отмечалось, в Ретвике было исключение из общего правила об относительно безболезненном возвращении участников процессов к обычной жизни – сестры Карин и Ингель Холь. Причем со значительными трудностями (в частности, экономическими) пришлось столкнуться и их близким. Так что реинтеграция в общество отнюдь не была автоматической.

В пятой главе М. Леннерсанд вновь рассматривает механизмы преодоления последствий кризиса в обоих приходах – теперь в сравнении. Она подчеркивает, что конфликты, вспыхнувшие в период “великого грома”, после окончания кризиса не получили продолжения в новых формах. Основной причиной этого, по ее словам, стали целенаправленные усилия светских властей, духовенства, а также населения в целом (с. 597–622).

В шестой – последней и, на мой взгляд, самой интересной – главе, написанной Л. Оя, делается попытка объяснить выявленные различия посткризисной ситуации в Эльвдалене и Ретвике. При этом особое внимание уделяется понятию чести в контексте обвинений в колдовстве. Как выясняется, честь вполне можно было восстановить, даже в случаях значительного урона. Причем это касалось как мужчин, так и женщин. К бесчестью приводило не отдельное событие, а цепь событий, поэтому едва ли можно было одним махом утратить честь сразу и навсегда. В то же время можно было обладать большим “запасом” чести в одной сфере отношений и меньшим – в другой. И бесчестье, связанное с обвинениями в колдовстве, не было “заразным” для родных и близких “ведьм” – в отличие, например, от бесчестья, связанного с нарушением сексуальных норм (с. 624–634).

Страшнее бесчестья была неопределенность статуса – серьезная проблема в обществе, которое требовало от своих членов однозначного поведения, строго соответствующего занимаемому индивидом месту в социальной системе. Обвинение в колдовстве делало неопределенным статус индивида, но последовательная, упорная защита позволяла при благоприятном стечении обстоятельств полностью восстановить свою честь. Так произошло с несколькими эльвдаленскими “ведьмами”, которых приговорили к условной смертной казни. После окончания кризиса они опять стали полноправными членами общества, хотя присяжные были убеждены в их виновности. А сестры Холь не были в той же степени последовательны в противостоянии давлению судей. К тому же в отношении них так и не было вынесено окончательного приговора. В результате они стали в Ретвике изгоями (с. 638–653).

Кризис, спровоцированный обвинениями в колдовстве, был экстраординарным, непривычно масштабным событием, и именно это

способствовало успеху стратегии “умиротворения” после его завершения, пишет Л. Оя. Если обнаруживалась всего одна “ведьма”, то общество могло относительно легко отторгнуть ее. Но если подозреваемых были десятки, то всех превратить в изгоев оказывалось просто невозможно – слишком во многих местах оказалась бы повреждена сеть социальных связей. Таким образом, оказывается, что в случае по-настоящему массовых гонений полнота “излечения” социума от нанесенных ему кризисом “ран” тем выше, чем обширнее “площадь поражения”.

В Эльвдалене, в отличие от Ретвика, чуть ли не в каждой семье была своя “ведьма”. Причины такого положения дел заключались, во-первых, в том, что здесь дети-обвинители часто переводились в категорию обвиняемых. Во-вторых, в Эльвдалене преследования в каждой следующей деревне начинались обычно после относительно полного успокоения в предыдущей, т.е. волна подозрений и обвинений, прежде чем распространиться дальше, успевала в той или иной степени затронуть большинство семей. А в Ретвике кризис распространялся намного быстрее, и на одну деревню, как правило, приходились всего одна-две “ведьмы”. Поэтому в Эльвдалене в примирении было заинтересовано подавляющее большинство населения. В Ретвике же было больше тех, кому повезло остаться в стороне. (С другой стороны, не стоит преувеличивать различия между приходами – и там, и там доля лиц, так или иначе вовлеченных в процессы, была необычайно высока.) Важно, кроме того, что в Ретвике сложился определенный стереотип: “ведьма” – немолодая женщина. И, например, сестрам Холь, соответствовавшим этому стереотипу, было труднее доказывать свою невиновность, чем эльвдаленским “ведьмам”, тоже приговоренным к условной смертной казни, – в Эльвдалене категория обвиняемых не была настолько гомогенной. Наконец, в Ретвике никто так и не был казнен. А в Эльвдалене многие обвиняемые воспользовались возможностью переложить основную вину на казненных. Это также снижало напряженность и способствовало успеху стратегии “умиротворения” (с. 634–638).

Книга М. Леннерсанд и Л. Оя, безусловно, заслуживает внимания всех, кто интересуется разными аспектами “охоты на ведьм” и вообще подобного рода социальными кризисами в Европе раннего Нового времени. Повторю: это первое специальное исследование долгосрочных последствий волны ведовских процессов на локальном уровне. И притом исследование, выполненное в высшей степени тщательно и добросовестно. Кроме того, в работе собран богатый материал о повседневной жизни жителей шведской глубинки во второй половине XVII в. Многие любопытные детали этой жизни – вроде покупки приходом катехизисов и букварей для бедных (с. 223) – становятся видны лишь в избранном микроисторическом масштабе.

Наконец, книга важна с источниковедческой точки зрения – ее авторы демонстрируют значительные возможности относительно скудных (по сравнению с позднейшей эпохой) источников. Неслучайно М. Леннерсанд написала статью с характерным названием: “Об искусстве отыскивать ведьм в архивах”¹².

В то же время нужно признать, что последовательное чтение более чем семисотстраничного тома с большим количеством статистических данных и десятками персонажей, связанных друг с другом иногда весьма сложным образом, требует определенных усилий. Хотя в оправдание авторов можно сказать, что, во-первых, таковы особенности избранного “жанра”; во-вторых, М. Леннерсанд и Л. Оя, следуя академической традиции, прилежно резюмируют все свои выводы в конце каждого раздела; в-третьих, чтение облегчают многочисленные диаграммы.

Более существенным минусом является отсутствие указателя и достаточного подробных карт (имеющиеся три карты слишком схематичны). В некоторых случаях, кажется, не помешало бы иметь перед глазами и генеалогическое древо. И наконец, в книге нет резюме на английском языке (что, в общем, нетипично для издаваемой в Швеции научной литературы). Последнее обстоятельство вызывает тем большее сожаление, что результаты, полученные М. Леннерсанд и Л. Оя, на мой взгляд, представляют интерес отнюдь не только для специалистов по шведской истории.

¹ *Witchcraft and magic in Europe* / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. L., 1999–2002. Vol. 1–6. Собственно истории “охоты на ведьм” в раннее Новое время посвящен четвертый том (*The period of the witch trials*. L., 2002), написанный Б. Анкарлоо, С. Кларком и У. Монтером. (Стоит, вероятно, упомянуть, что второй редактор этого шеститомника С. Кларк является автором фундаментального исследования о европейской демонологии: *Clark S. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe*. Oxford, 1997.)

Вообще, современная историография “охоты на ведьм” в Европе (и в Америке – невозможно игнорировать знаменитый сэйлемский процесс 1692 г. в Массачусетсе) растет как снежный ком. Ориентироваться в ней кроме указанной работы могут помочь два – тоже многотомных – сборника статей под редакцией Брайана Левака: *Articles on Witchcraft, Magic, and Demonology: A Twelve Volume Anthology of Scholarly Articles* / Ed. with introductions by B.P. Levack. N.Y., 1992. Vol. 1–12; *New Perspectives on Witchcraft, Magic, and Demonology* / Ed. with introductions by B.P. Levack. N.Y.; L., 2001. Vol. 1–6. В этих изданиях суммированы главные достижения историографии, соответственно, 1970–1980-х и 1990-х годов. Перу Б. Левака принадлежит также “стандартная” работа обобщающего характера: *Levack B.P. The Witch-hunt in Early Modern Europe*. 2nd ed. L.; N.Y., 1995 (1-е изд.: 1987 г.). Некоторые выводы Б. Левака уточнены и скорректированы в полезной статье Ричарда Голдена, который, признавая важность институциональных факторов в развязыва-

нии “охоты на ведьм”, в то же время подчеркивает значение ситуации на местах и роль отдельных личностей – как преследователей “ведьм”, так и убежденных противников ведовской доктрины – в организации массовых гонений: *Golden R.M. Satan in Europe: The Geography of Witch Hunts // Changing Identities in Early Modern France / Ed. by M. Wolfe. Durham; L., 1997. P. 216–247.*

Назову также еще один сборник, ссылки на который встречаются в литературе особенно часто и к подготовке которого прямое отношение имел Б. Анкарлоо: *Early modern European witchcraft: centres and peripheries / Ed. by B. Ankarloo and G. Henningsen. Oxford, 1990* (позднее было несколько переизданий; кстати, впервые работа вышла на шведском языке: *Häxornas Europa 1400–1700: Historiska och antropologiska studier / Red. B. Ankarloo och G. Henningsen. Stockholm, 1987*). (Второй редактор сборника – датский историк Густав Хеннингсен, специалист по ведовским процессам в Басконии в начале XVII в.)

Из обзоров на русском языке особого внимания заслуживают: *Гуревич А.Я.* Некоторые проблемы изучения общественного сознания Средневековья в современной зарубежной медиевистике: (Предисловие). § 1 // *Культура и общество в Средние века: методология и методика зарубежных исследований. М., 1982. С. 5–17* (см. в этом же сборнике рефераты классических работ К. Томаса, Р. Кикхефера и А. Макфарлена: Там же. С. 90–111, 126–134; автор первого реферата – А.Я. Гуревич, двух других – Н.М. Демурова); *Шверхофф Г.* От повседневных подозрений к массовым гонениям: Новейшие германские исследования по истории ведовства в начале Нового времени // *Одиссей: Человек в истории. М., 1996. С. 306–330*; *Монтер У.* Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А.Ю. Серегининой. М., 2003 (1-е оригинальное изд.: 1983 г.; в работе затрагивается весьма широкий круг проблем, но “охоте на ведьм” уделено значительное внимание – автор занимается этой темой с 1960-х годов).

² См., в частности: *Gadelius B.* Tro och öfvertro i gångna tider. Stockholm, 1912–1913. Vol. 1–2 (фрагменты этого труда, посвященные непосредственно “охоте на ведьм”, были опубликованы отдельно в виде книги в 1963 г. под названием “Häxor och häxprocesser”, а затем переизданы в 1986 г.); *Linderholm E.* De stora häxprocesserna i Sverige: Bidrag till svensk kultur- och kyrkohistoria. Uppsala, 1918. Del 1. Inledning. Bohuslän; *Fahlgren K.* Till Blåkulla: Trolldomsväsendet i Västerbotten 1675–77. Umeå, 1966; *Ankarloo B.* Trolldomsprocesserna i Sverige. 2:a, utökade uppl. Stockholm, 1984 (1-е изд.: 1971 г.); *Idem.* Att stilla herrevrede: Trolldomsdåden på Vegeholm 1653–54. Stockholm, 1988; *Wall J.-I.* Hon var en gång tagen under jorden: Visionsdikt och sjukdomsbot i gotländska trolldomsprocesser. Uppsala, 1989; *Lagerlöf-Genetay B.* De svenska häxprocessernas utbrottsskede 1668–1671: Bakgrund i Övre Dalarna. Social och ecklesiastik kontext. Stockholm, 1990; *Sörlin P.* Trolldoms- och vidskepelseprocesserna i Göta hovrätt 1635–1754. Umeå, 1993 (есть перераб. изд. на англ. яз.: *Idem.* “Wicked Arts”: Witchcraft & Magic Trials in Southern Sweden, 1635–1754. Leiden; Boston; Köln, 1999); *Vägen till Blåkulla: Nya perspektiv på de stora svenska häxprocesserna / Red. L. Oja. Uppsala, 1997; Dalarnas häxprocesser / Red. A. Östborn. Mora, 2000; Östling P.-A.* Blåkulla, magi och trolldomsprocesser: En folkloristisk studie av folkliga trosföreställningar och av trolldomsprocesserna inom Svea Hovrätts jurisdiktion 1597–1720. Uppsala, 2002; *Wallenberg Bondesson M.* Religiösa konflikter i norra Hälsingland 1630–1800. Stockholm, 2003.

О преследовании “ведьм” и “колдунов” на территории Финляндии в XVI–XVII вв. см.: *Heikkinen A.* Paholaisen liittolaiset: Noita- ja magiakäsityksiä ja

oikeudenkäyntejä Suomessa 1600-luvun jalkipuoliskolla (n. 1640–1712). Helsinki, 1969; *Nenonen M.* Noituus, taikuus ja noitavainot: Ala-Satakunnan, Pohjois-Pohjanmaan ja Viipurin Karjalan maaseudulla vuosina 1620–1700. Helsinki, 1992; *Nenonen M., Kervinen T.* Synnin palkka on kuolema: Suomalaiset noidat ja noitavainot 1500–1700-luvulla. Helsinki, 1994.

Кроме того, см. соответствующие разделы в указанных выше работах “Witchcraft and magic in Europe” и “Early modern European witchcraft: centres and peripheries” (“Häxornas Europa 1400–1700”).

О ведовских процессах в Швеции в XVIII и XIX вв. см.: *Särman M.* Charlotta Taube och den sista häxprocessen: Ett 1700-tals drama i flera akter. Stockholm, 1996; *Tegler Jerselius K.* Den stora häxdansen: Vidskepelse, väckelse och vetande i Gagnef 1858. Uppsala, 2003.

Свидетельством широкого интереса к проблематике “охоты на ведьм” в Швеции можно считать появление популярных работ на эту тему: *Åberg A.* Häxorna: De stora trolldomsprocesserna i Sverige 1668–1676. [Göteborg], 1989; *Guillou J.* Häxornas försvarare: Ett historiskt reportage. Stockholm, 2002 (книга написана не историком, а известным шведским журналистом и писателем – автором детективов и исторических романов); *Ankarloo B.* Satans raseri: En sannfärdig berättelse om det stora häxoväsendet i Sverige och omgivande länder. Stockholm, 2007.

- ³ Характеризуя достижения своих предшественников, авторы называют меньше десятка работ, в которых так или иначе поднимается эта тема (с. 18–23). Ни одна из них не может сравниться с рецензируемым исследованием по новаторственности.
- ⁴ Этим проблемам были посвящены их докторские диссертации: *Lennersand M.* Rättvisans och allmogens beskyddare: Den absoluta staten, kommissionerna och tjänstemannen, ca. 1680–1730. Uppsala, 1999; *Oja L.* Varken Gud eller natur: Synen på magi i 1600- och 1700-talets Sverige. Stockholm; Stehag, 1999.
- ⁵ Согласно шведской фольклорной традиции, местом проведения шабашей служила так называемая Синяя гора (Blåkulla) – двойник более известной нам Лысой горы.
- ⁶ Подробнее о даларнских процессах см. прежде всего: *Lagerlöf-Génétay B.* Op. cit.; *Dalarnas häxprocesser; Lennersand M., Oja L.* När Djävulen vandrade genom landet: Krishantering under häxysterin i Dalarna 1667–1671 // *Karolinska Forbundets Årsbok.* 2001. S. 9–90.
- ⁷ Хотя, например, по данным американских историков Пола Бойера и Стивена Ниссенбаума, сэйлемский процесс 1692 г. только усилил существовавший и до того конфликт между локальными группировками, а как показала шведская исследовательница Мария Валленберг Бундессон, в 1670-х годах в Хельсингланде сразу после окончания разбирательств по поводу колдовства на судей обрушилась волна критики и обвинений в принятии ложных свидетельств, давлении на участников процесса и т.п. (с. 225).
- ⁸ Непосредственной мишенью для критики Л. Оя являются утверждения шведского историка педагогики Пера-Юхана Эдмана и французского историка Робера Мюшембле (с. 193–194). В первую очередь с именем Р. Мюшембле связывают теорию аккультурации. См., в частности: *Muchembled R.* Culture populaire et culture des élites dans la France Moderne (XVe–XVIIIe siècles): Essai. 2e éd. P., 1991 (1-е изд.: 1978 г.); *Idem.* La Sorcière au village (XVe–XVIIIe siècles). 2e éd. P., 1991 (1-е изд.: 1979 г.); *Idem.* Sorcières: justice et société aux XVe et XVIIIe siècles. P., 1987; *Idem.* Le roi et la sorcière: L’Europe des bûchers (XVe–XVIIIe siècles).

Р., 1993. В сжатом виде его концепция изложена, например, в статье: *Idem. Satanic myth and cultural reality // Early modern European witchcraft: centres and peripheries*. P. 139–160 (Л. Оя ссылается только на эту работу – в шведском издании сборника). Ср. также: “...демон прокладывает путь к абсолютному повиновению государству, церкви, светским представительным институтам” (*Мюшембле Р. Очерки по истории дьявола: XII–XX вв. / Пер. с фр. Е.В. Морозовой. М., 2005. С. 293; оригинальное издание книги вышло в 2000 г.; об образе дьявола и ведьм как его приспешниц в XV–XVII в. см. с. 73–317*).

Между прочим, важным фактором “охоты на ведьм” считал аккультурацию и А.Я. Гуревич, правда, он высказывался более осторожно, чем Р. Мюшембле, подчеркивая роль самих “низов” в раскручивании маховика преследований: *Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 16–17; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 358–375*.

О недостатках теории аккультурации и о необходимости учитывать при анализе феномена “охоты на ведьм” самые разные факторы см., например: *Wirth J. Against the acculturation thesis // Religion and society in early modern Europe. L., 1984. P. 66–78; Briggs R. “Many reasons why”: Witchcraft and the problem of multiple explanation // Witchcraft in early modern Europe: Studies in culture and belief. Cambridge, 1996. P. 49–63; Golden R.M. Op. cit. Ср. замечание Г. Шверхоффа: “Ведьмомания – так же, как, например, холокост или сталинизм – слишком сложное явление, чтобы его можно было объяснить одной причиной” (*Шверхофф Г. Указ. соч. С. 326*).*

⁹ 18 женщин и 10 мужчин, см. полный список с указанием основных сведений: приложение 1, с. 665–690.

¹⁰ Важно, что одна из них, Карин Холь, уже обвинялась в колдовстве в начале 1660-х годов, хотя тогда речь не шла об участии в шабашах (с. 378–379).

¹¹ Хотя к 1675 г. доля вдов среди обвиняемых составила 35% (с. 496), что неудивительно, учитывая их возраст – в Ретвике типичная “ведьма” была уже немолодой женщиной.

¹² *Lennerstrand M. Om konsten att hitta häxor i arkiven // Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven 2003. Kyrka, helgon och vanliga dödliga. 2003. S. 130–137*.